Содержание

Илья Виницкий. Граф Хвостов и граф де Местр: Гео-филологические фантазии в эпоху наполеоновских войн 91

Арина Косарева. Об одном французском источнике «Скучной истории» А. П. Чехова 127

Александра Пахомова. Стратегии репрезентации литературной группы (на примере объединения эмоционалистов) 134

Виктор Димитриев. Литературный контекст повести Юрия Фельзена «Обман» 152

Инна Носкова. О версификационной идентичности поэмы Э. А. По «Ворон» в переводе Г. В. Голохвастова 171

Александр Гришин. «О каждом из нас заботится Сталин в Кремле»: От стихотворения Михалкова к плакату Говоркова 181

Редакция:
А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:
191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

Тираж 500 экз.

ISSN 2587-8190

2017 XIII (2)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА
ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виницкий (Филадельфия, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

http://schoolsummer.jimdo.com
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186
ISSN 2587-8190 = Letnââ škola
Сдано в печать 4 декабря 2017 года

© Авторы статей, 2017
© «Летняя школа по русской литературе», 2017

С 30 ноября 2017 года включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Информация об авторах

Илья Виницкий, доктор филологических наук, профессор Принстонского университета, Принстон, США
ivinitsk@gmail.com

Арина Косарева, студентка национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
arianakosareva@gmail.com

Александра Пахомова, докторант Тартуского университета, Тарту, Эстония
aleks.pakhomova@gmail.com

Виктор Димитриев, аспирант Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия
ganthenbein@gmail.com

Инна Носкова, студентка Северо-Кавказского Федерального университета, Ставрополь, Россия
noskova.inna@mail.ru

Александр Гришин, лаборант факультета истории искусств Европейского университета, Санкт-Петербург, Россия
a.i.grischin@gmail.com

Илья Виницкий
(Принстон)

ГРАФ ХВОСТОВ И ГРАФ ДЕ МЕСТР

Гео-филологические фантазии в эпоху наполеоновских войн[1]

Статья посвящена неизвестному «странному» переводу антинаполеоновской оды графа Д. И. Хвостова, сделанному сардинским дипломатом и идеологом консерватизма графом Жозефом де Местром. Литературный эсперимент Местра рассматривается как декларация его теологической утопии, в центре которой находятся политическая история Европы и провиденциальная судьба четырех «родственных» языков — французского, русского, латыни и санскрита.

Ключевые слова: граф Д. И. Хвостов, граф Жозеф де Местр, наполеоновские войны, перевод и дипломатия, споры о языке, языковые утопии.

This article uncovers and analyzes an uncommon translation of Count Dmitry Khvostov's anti-Napoleonic ode by the Sardinian diplomat and ideologue of conservatism, Count Joseph de Maistre. Maistre's literary experiment is considered as declaration of his theological utopia centered on the contemporary political history of Europe and providential mission of four «sister languages» — French, Russian, Latin, and Sanscrit.

Key words: Count Dmitry Khvostov, Count Joseph de Maistre, Napoleonic wars, translation and diplomacy, debates concerning language, linguistic utopias.

---

[1] Настоящий текст представляет собой нереализованный вариант лекции о Хвостове для участников Летней школы 2017 года. Автор выражает глубокую признательность Вере Мильчиной, Вадиму Парсамову, Михаилу Велижеву, Олегу Проскурину, Майклу Вахтелю и Дарье Хитровой за ценные советы и замечания.

Бургундия, Нормандия, Шампань или Прованс,
И в ваших жилах тоже есть огонь,
Но…

Песня из популярного кинофильма

В глубочайшей древности языка Славенскаго обретается некоторое сходство его с ученым, народу неведомым языком в Индии, Самскрет или Сам-скрыт, которым одни Брамины говорят и пишут.

И. Тимковский. Опытный способ к философическому познанию русского языка (1811)

Единство узла существует в искуствах, поелику оно в природе и все клонится к своему началу.

Гр. Хвостов

«ОДНО ОБСТОЯТЕЛЬСТВО»

В 1829 году 72-летний граф Д. И. Хвостов — посмешище («очистительная жертва») нескольких поколений русских поэтов и читателей — написал одно из своих лучших стихотворных посланий о поэзии под длинным названием «Об изящной природе, о единстве узла, о том, что есть собственное (Originalité) в певце, в различных родах Поэзии, о правильности языка и вкусе Поэта». Это дидактическое стихотворение, завершавшее цикл из четырех эпистол «Совет юным питомцам муз» во II томе его последнего Собрания сочинений, Хвостов считал важным добавлением к своему делу жизни — переводу «Науки о стихотворстве» Никола Буало — и, по сути дела, итоговой репликой (чуть ли не завещанием) в давнем, но все еще, как ему казалось, актуальном споре о природе, истории, законах и потенциале русского языка.[1]

[1] По словам самого автора, в этом послании, написанном «по примеру Горация, Вида и Буало», говорится «собственно о предметах, кои в мое время весьма занимали любителей словесности целой Европы» (II, 252). Эти вопросы, утверждает Хвостов, являются актуальными и в новое время, ибо спор «о правилах и бесправильности», вопреки мнению критика «Северных цветов» за 1829 год, далеко еще не разрешен. В подтверждение этому он приводит статью из «Journal des débats» о том, что несколько поэтов-классиков, являющихся членами французской Академии, «подали просьбу Королю на романтиков» (II, 255–256). Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, цитаты из сочинений Хвостова даются по семитомному собранию (*Хвостов Д. И.* Полн. собр. стихотворений. СПб.: В типографии Императорской Российской академии, 1821–1834) с указанием номера тома римскими и страницы арабскими цифрами.

В середину этого очень длинного послания Хвостов включил монолог воображаемого оппонента, приводящего в пример хорошего слога французских поэтов:

«Я проповедник стал приятных светских дум,
Я милых и друзей ловлю, осетя, ум.
Смотрите, — славные писательми французы,
Которых лаврами давно венчали Музы,
Рисуют ли Амур, пастушку, торжества,[1]
Все те же и одне кладут в стихи слова;
Они *чела*, *крамол*, или *коня* не слышут,
Из точки в точку век и говорят и пишут». (II, 184–185)

В примечании к этому фрагменту Хвостов указал, что подобный взгляд «нимало не убедителен для русских», ибо французский язык «весьма беден»,[2] а «если кто пустится добиваться зеленых лавров за сочинения, озаренные только языком разговорным, тот не уйдет далеко ни в какой словесности, и при богатстве талантов останется средственным писателем» (II, 270). По мнению Хвостова, хороший сочинитель обязан соблюдать «правила в языке и счастливое совокупление языка книжного с разговорным» (II, 270; в самом послании он требует от поэта умения «два языка в один пучок связать»[3] (II, 188)). В качестве примера, подтверждающего справедливость этого требования, Хвостов привел «одно обстоятельство», случившееся с ним много лет тому назад:

Известный своими отличными достоинствами и сочинениями покойный *Граф Местр*, Посланник Короля Сардинского при нашем Дворе, желал, по любви к Поэту, перевести некоторые стихотворения его на победы наши

---

[1] То есть используют одни и те же «разговорные» слова в эротическом, пасторальном или пиндарическом жанрах.

[2] Иначе говоря, «не слышит» «высокого слога», представленного выделенными курсивом славянизмами, эквиваленты которых отсутствуют во французском языке.

[3] Хвостов никогда не выступал против использования разговорного языка в литературе, вполне уместного в определенных контекстах: «Когда внимаем речь Филлид своих в уборной, / Обыкновенный то язык и разговорной» (II, 186). В то же время и для галантной поэзии Хвостов, занимавший, по собственному признанию, «непостыдное место среди поэтов-дидактиков», требовал соблюдения правил российской грамматики: «Мне междометия, союзы и предлоги / К соблазну чистых дев не заградят дороги...» (II, 184).

> в 1812, 1813 и 1814 годах. Не зная совершенно по-русски, просил дать ему свое сочинение в переводе из слова в слово, т. е. подстрочном на латинском языке, что и было исполнено. Перевод французский покойного Посланника оказался в свое время, хотя в прозе, и близок и удачен. Г. Местр заключал, что латинский язык есть коренной для французов и что наш книжный язык имеет выгоды латинского; следственно, чтобы узнать дух и словосочинение Автора, Г. Местр прибегнул к языку коренному, а не разговорному французскому (II, 270–271).

Предлагаемая статья посвящена мимолетному, но крайне любопытному с историко-литературной точки зрения «тайному» творческому сотрудничеству двух сардинских графов — сенатора и поэта-беседчика Хвостова[1] и идеолога европейского консерватизма и католического писателя Жозефа де Местра, проведшего на дипломатической службе в России 14 лет (1803–1817).

В центре нашего внимания будет реконструкция и анализ странного переводческого эксперимента (использование латинского подстрочника как текста-посредника для перевода с русского на французский) — эксперимента, соединившего, как мы постараемся показать, в «единый пучок», или «узел», несколько ключевых для рассматриваемого периода исторических, геополитических, эстетических и религиозных вопросов.

Такое соединение «далековатых идей» в пределах одного текста оказалось возможным, как мы полагаем, благодаря уникальной общественной и творческой «гиперактивности» графа Хвостова, поэтическая *Originalité* которого заключалась не в высоком дисциплинированном таланте, который он у себя находил, несмотря на постоянные насмешки современников, а в редкой комбинации острого «исторического слуха», цепкой культурной памяти, универсальной отзывчивости и замечательной быстроты реакции. Как мы постарались показать в нашей книге о Хвостове, эта культурная гиперактивность в свою очередь была выражением гипертрофированности культурной «самоличности» графа,

[1] Титул Сардинского графа Хвостов получил от короля Сардинии по просьбе Суворова в октябре 1799 года. Император Александр I разрешил ему пользоваться этим титулом в 1802 году.

стремившегося во всем быть образцовым — сыном, мужем, другом, государственным и общественным деятелем, вельможей, помещиком, верноподданным, христианином, критиком, идеологом, языковедом и — как синтетическое воплощение всего вышеупомянутого — поэтом. Высокая культурная «валентность» и смешные для современников притязания на совершенство во всем сразу, восходящие, как мы считаем, к российскому изводу просветительской идеологии XVIII века,[1] превращают графа Хвостова в исключительно привлекательную для историко-культурных исследований (в том числе и с методологической точки зрения) фигуру.[2]

«ДОБЫЧА ДЛЯ ГИСТОРИИ»

Какие именно произведения Хвостова перевел де Местр? Ответ на этот вопрос мы находим в примечании к оде «На истребление Французской армии в России» в первой книге первого тома «Лирических творений» Хвостова (1817).[3] «Сия ода, — сообщает граф, — переведена была на французский язык по дружбе к сочинителю королевства Сардинского посланником Графом Мейстером, недавно отселе в отечество отозванным. Сей просвещенный муж по незнанию русского языка изобрел достойное внимания средство, чтобы все мысли подлинника и дух удержать в своем переводе, он просил Автора сделать самый точный перевод на латинский язык, с которого уже он, зная некоторое грамматическое сходство сих двух коренных языков, т. е. славянского и латинского, перекладывал с сего последнего на французский, таким же образом он перевел

---

[1] *Виницкий И.* Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 151.

[2] Перефразируя заголовок известной книги Б. М. Гаспарова о Пушкине (Wien, 1992), творчество «смешного» Хвостова является *серьезным* «фактом истории русского поэтического языка», понимаемого как скрещение и смешение общественной, эстетической, историко-политической, филологической и теологической топики (или, используя термин М. Л. Гаспарова, «иконики»), характерной для эпохи формирования и расцвета русской поэзии.

[3] Это собрание Хвостов подготовил к 60-летию своей жизни, совпавшему с первой годовщиной смерти его главного литературного соперника Г. Р. Державина.

другую сочинителя оду, называемую: *Второе вступление в Париж*».[1]

Впервые ода «На истребление» была опубликована отдельной брошюрой с параллельным французским переводом (без указания имени переводчика) в Санкт-Петербурге в 1813 году (цензурное разрешение датируется 11 августа). Полное название стихотворения на титуле — «Ода на истребление Францускої (sic!) армии в России. 1812 года при случае отправления из Кронштадта Императорского Александровского Гишпанского полка. 1813-го года, Июля 31-го дня. Сочинение Графа Хвостова». Французский заголовок несколько отличается от оригинала: «Ode, sur la destruction des armées Françoises en Russie dans la Campagne de 1812. Pour le jour où le Régiment Espagnol L'Impérial-Alexandre ayant reçu ses drapeaux à Czarsco-

[1] *Хвостов Д. И.* Лирические творения: В 2 ч. СПб., 1817. Ч. 1. С. 231. Ода «На вторичное вступление...», посвященная последствиям решительной победы союзников при Ватерлоо, была напечатана в «Сыне Отечества» (1815. № 24), а также вышла отдельными брошюрами — по-русски (СПб.: В типографии Иос. Иоаннесова, 1815) и с параллельными немецким («Der zweite Einmarsch der verbindeten europaischen Heere in Paris Nach dem Siege bei Belle Alliance») и французским переводами (СПб.: В типографии Военного министерства, 1815). Стихотворение было расхвалено в «Северной почте» как заключающее «в себе толико приятную для всех благомыслящих материю, которая и выражена притом с таким жаром чувства, что без сумнения сочинение сие принесет удовольствие читателям» (1815. № 68. 25 авг.). В свою очередь, ода была скептически воспринята молодым поколением. Лицейский А. Горчаков, разбирая ее в письме к автору от 3 сентября 1815 года, не без иронии замечал: «...коль скоро дело доходит до Наполеона, то нет поносных эпитетов, которых бы ему не прилагали, и наш поэт не пощадил его: фурия; дух безначалия, раздоров; корысти жрец; проклятый небом и землею; несытый кровью. Все эти слова, конечно, увеличивают число стихов и даже представляются иногда очень кстати для рифмы или стопы» (цит. по: *Муравьева О. С.* Пушкин и Наполеон: (Пушкинский вариант «наполеоновской легенды») // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. Т. 14. С. 6). Современники также порицали Хвостова за крайне резкую критику в оде философов XVIII века, подготовивших, по мнению автора, Революцию и появление Наполеона. Французского перевода этой оды, выполненного де Местром (всецело разделявшим гнев ее автора по отношению к «учителям разврата», т. е. французским просветителям), нам не удалось обнаружить. В примечаниях к этой оде Хвостов по какой-то причине не указывает на то, что и она была переведена де Местром.

celo, mettoit à la voile de Cronstadt pour retourner dans sa patrie».[1]

Обратимся вначале к предыстории и политическому контексту этого программного для Хвостова стихотворения. После гибели Великой армии Наполеона в российском плену оказалось около трех тысяч испанских и португальских офицеров и солдат, содержавшихся большей частью в софийских казармах в Царском Селе. В конце 1812 года российским правительством было принято решение составить из этих военнопленных два батальона для отправки в Испанию с началом весенней навигации.[2] 2 мая (20 апреля), т. е. в годовщину «праведного восстания» испанцев против наполеоновской Империи в 1808 году, состоялось торжественное приведение к присяге испанского полка, названного в честь российского императора Александровским.[3] После католической мессы испанские офицеры и солдаты поклялись в верности королю Фердинанду VII (находившемуся тогда «в заточении» в замке Талейрана Валансе) и испанской конституции.[4] По окончании церемонии почетные гости отправились в императорский дворец на праздничный завтрак, где с «нелицемерной радостью» пили за здравие российского императора, славу и благоденствие его армии, испанского короля, его

---

[1] В том же году вышел и немецкий перевод этой оды, выполненный служащим военного министерства г-ном Майером и поднесенный императрице-матери Марии Феодоровне. См.: Библиографические известия. 1914. Т. 1. С. 156.

[2] См.: *Миловидов Б. П.* Испанские военнопленные Великой армии в России: на пути в Царское Село // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов: Материалы Международной научной конференции 3–6 сентября 2014 г. / Сост. А. В. Горбунов. Бородино, 2015. С. 58–73; *Васильев А. А.* Испанский полк «Жозеф Наполеон» в русской кампании 1812 г. // Цейхгауз. 1997. № 6. С. 20–23; *Додолев М. А., Болховитинов Н. Н.* Россия и Испания, 1808–1823 гг.: Война и революция в Испании и русско-испанские отношения. М., 1984. С. 64–65.

[3] Политический символизм заключался, в частности, в том, что в 1809 году Наполеон сформировал из пленных испанских солдат и офицеров Гвадалахарского и Астурийского полков пехотный полк имени короля Жозефа Наполеона, воевавший в России.

[4] Португальские подданные присягнули на верность своему принцу-регенту.

парламент, скорейшее возвращение на престол короля обеих Сицилий и скорое возвращение всех владений Сардинскому королю (посланником которого в Петербурге был де Местр).

Хвостов не только присутствовал на торжествах, но и был их непосредственным участником: его стихотворение, посвященное присяге «гишпанского полка», было прочитано за завтраком и напечатано в «Сыне Отечества» и отдельной брошюре (ключевые строки содержали политически верный, но несколько произвольный с физической точки зрения мотив восхождения солнца с юга на север, а не с востока на запад: «Стремленье ревностно раждая друг во друге / Готовая средь бед лить собственную кровь, / Пылай во всех сердцах к Отечеству любовь! / *Средь Норда солнце ты, зарею быв на Юге*»).[1] Само торжественное событие Хвостов подробно описал в дневнике (на основании напечатанного в «Сыне Отечества» официального отчета):

> ...в Сарском Селе в присутствии императриц Елизаветы и Марии, принцесс Вюртембергской и Баденской Амалии, великих князей Российских Николая и Михаила, при стечении многочисленного народа и некоторых знатных особ, на площади в городе Софии происходило торжественное освящение по обряду западной церкви знамен для гишпанского полку называемого импер<атора> Александра. Сей полк, под наблюдением военного министра кн. Горчакова, состоящий из 2000 человек гишпанцев и португальцев, собран из пленных, Россиею сделанных в кампанию поход 1812 года французов на Россию.
>
> Г-н посол гишпанской Азара-Бардахи говорил прекрасную, трогательную и славную речь, в коей отпотчевал Наполеона, как и при присяге, maudit, impie, horrible и пр., смотри «Сын Отечества».
>
> По отъезде двора знаменитые российские и иностранные посетители были угощаемы в саду на счет гишпанского посла в галлерее, называемой адмиралтейство, столом на 100 кувертов. Пили много здоровьев, до 20, а в заключение мучною водою торжественно смерть Наполеона.
>
> Сколько встречается пищи для размышления. Бедный, еще не царствующий король Фердинанд VII в заключении

[1] Сын Отечества. 1813. № 5. С. 343. Курсив мой. — *И. В.* Стихотворению на присягу посвящен содержательный доклад-комментарий А. Н. Волховской «Граф Хвостов и „гишпанцы“» (РГГУ, 2015). См.: https://www.youtube.com/watch?v=JpoaSANufT8 (дата обращения 30.09.2017).

> в Париже. На севере воздаются ему королевские почести, преклонение знамен и пр. Он про то едва ли когда сведает. Верный и твердый гишпанский народ за свободу свою и его искупление 6 лет воюет. Сильная Российская держава всех гишпанских пленных собирает воедино до 2000 человек, питает, вооружает, образует их и отправляет на защиту из отечества против общего врага. Вот свеженькая добыча для гистории.[1]

«Добыча» эта была не только для «гистории», но и для отзывчивого одического воображения гр. Хвостова, одним из плодов которого и стала интересующая нас ода. Нужно сказать, что в 1812–1813 годах Хвостов — государственный деятель, действительный член «Беседы» и ближайший родственник военного министра — переживает творческий взлет, связанный с великими историческими событиями, свидетелем которых ему вновь (спустя 13 лет после побед его возлюбленного «дяди» Суворова) довелось стать. В написанных в эти годы патриотических стихотворениях — часть их позднее вошла в подготовленное кн. Н. М. Кугушевым «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», — он состязался со своим вечным конкурентом и сотрудником по «Беседе» Г. Р. Державиным.[2] Человеколюбивый Хвостов также принял самое активное участие в спасении французских военнопленных: в конце февраля 1813 года по высочайшей воле он был командирован во Владимирскую, а затем Ярославскую, Костромскую и Вологодскую губернии «для пресечения заразы, могущей распространиться от зарывания тел при проводе пленных французов» (задание им было успешно выполнено).[3] Главным врагом России и вселенной великодушный Хвостов

---

[1] Из архива Хвостова / Публ. А. В. Западова // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 391–392.

[2] Эпиграфом ко второй части этого собрания стали строки из стихотворения Хвостова «Освобождение Москвы»: «Предаст деяния ужасны / Для поздних дней Летописатель: / Потомства строгое Певцу, / Почтя за вымысл, не поверит» (эпиграф к первой части был взят составителем из «Лироэпического гимна» Державина). Во второй части «Собрания» было напечатано стихотворение Хвостова «На возвращение ополчения» (Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч. 2. С. 203).

[3] *Хвостов Д. И.* Путевые записки. М.: В Университетской типографии, 1824. С. 24.

считал не французов, а отравившего их умы «лютого змия», явившегося в мир из «Корсиканских блат зловонных»:

Во все страны взирая алчно,
Являет тело желто-мрачно,
Покрыто сизой чешуей.
Взор — быстро-зрящ, секира — зубы,
Язык — точащий яд сугубый,
Шипение болезнь ушей.
<...>
Как баснословная Химера
Во все страны огонь несет. —
Там угрызает змий Ибера,
Там яд в Гесперию лиет,
Там на Панонию стремится,
Там хвост склоня на Тибр кичится,
Там свой неукротимый гнев
К приморску Леопарду клонит,
Там к Норду чад несытых гонит,
На Север злобно восшипев.

В поэтическом воображении Хвостова, питавшемся официальными манифестами, священная миссия России после бородинского сражения заключалась в освобождении всей Европы и восстановлении в ней законных порядков:

Не утомятся Россов длани
Отмщать врагу Европы плен.
Конец поставят Россы брани,
Когда враг будет истреблен,
Когда престолы похищенны
Им снова будет возвращенны,
Когда с поруганным хребтом,
С поникшею к земле главою,
Он сильною гоним рукою,
Скончает жизнь в лесу пустом.[1]

Те же чувства и надежды разделял и сардинский посланник Жозеф де Местр, также посетивший по приглаше-

[1] *Хвостов Д. И.* Ода на победы, одержанные Российским воинством под предводительством генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова, и освобождение Москвы. СПб.: В Морской типографии, 1812. С. 5, 6, 10.

нию испанского посла замечательные торжества в Царском Селе.[1] Вполне вероятно, что его «творческое сотрудничество» с Хвостовым и зародилось в этот день (напомним, что стихи русского поэта «на присягу» были прочитаны в конце праздника), хотя с сардинским посланником он к тому времени уже должен был быть давно знаком.

В отличие от восторженного Хвостова, увидевшего в присяге испанцев зарю новой эпохи (освобождение всей Европы от тирана-«страшилища»), убежденный роялист де Местр остался глубоко разочарован увиденным. Само зрелище (своего рода репетицию будущих грандиозных парадных молений у алтаря — в Париже и долине Вертю) он сравнил с языческими играми в древнем Риме. Саркастически отозвался он и о страстной присяге испанских воинов, до недавнего времени не менее верно служивших Франции и Англии. Его глубоко раздосадовала «республиканская» речь самого испанского посла, призвавшего солдат и офицеров присягать не только своему законному королю, но и конституции. Более того, особую тревогу де Местра вызвало крайне опасное, с его точки зрения, недавнее заявление императора Александра о том, что Россия воюет за честь и свободу человека, а не за восстановление старых престолов и священного порядка. В заключении письма к сюзерену де Местр меланхолически заметил, что мир, который они знали тридцать или сорок лет тому назад, уже более не существует.[2]

«ЧУВСТВА РОССИЯНИНА»

Через два с лишним месяца, 30 июля 1813 года, большая часть испанского Александровского полка (всего 2041 человек) была погружена в Кронштадте на английские корабли

---

[1] «Je viens d'être témoin, sire, d'un spectacle qui pourrait bien être annoncé comme l'étaient jadis les jeux séculaires: *accourez tous, et venez voir ce que vous n'avez jamais vu et ce que vous ne verrez jamais*» (*Maistre J. de.* Correspondance diplomatique: 1811–1817 / Recueillie et publiée par A. Blanc. Paris, 1860. T. 1. P. 326–327). В письме от 3 (15) мая 1813 года де Местр указывает, что был единственным посланником, приглашенным на мессу в честь освящения знамен испанского полка (P. 322–333).

[2] Ibid. P. 326–328.

и отправлена на родину. Именно это событие — ничтожное с военной, но важное с пропагандистской и дипломатической точек зрения[1] — и вдохновило Хвостова на создание оды, переведенной де Местром.

Стихотворение Хвостова первоначально состояло из 19 строф (в Полном собрании сочинений 1817 года граф сократил его до 12 строф и внес несколько изменений в оставшийся текст), причем только две из них были связаны с отплывающими воевать за освобождение родины испанцами (XV и XX). В основном оно посвящено прославлению России, ее военачальника, «чье имя *равен Богу*»,[2] созданию «всемирной» антинаполеоновской коалиции («Все жители земного круга, / С Востока, Севера и Юга, / Сретают в брани пир и брак»[3]) и предсказанию гибели «новому Батыю», «бичу мира» и «хищнику славы» Наполеону.

17 августа 1813 года Хвостов посылает только что вышедшую в свет оду на истребление «Галлов силы» бывшему послу России во Франции кн. А. Б. Куракину, «яко мужу просвещенному и знаменитому по любви и заслугам к отечеству», со следующим разъяснением своего замысла:

> Сочинение сие не есть плод труда долговременного; оно, так сказать, вылетело из мыслей, восторженных громкими российского и дружественных нам народов победами; оно лилось из сердца восхищенного славою нашего монарха, которого имя в отдаленных пределах вселенной с любовью и радостию из уст в уста переносится, и вскоре будет развеваться на знаменах в отечестве знаменитого Гонзальва. Стихотворение сие есть соображение чувств Россиянина,

---

[1] См.: *Миловидов Б. П.* Испанские военнопленные Великой армии в России: Долгий путь на Родину (август 1813 — сентябрь 1815 г.) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2017. С. 197–213.

[2] *Хвостов Д. И.* Ода на истребление Французской армии в России 1812 года при случае отправления из Кронштадта Императорского Александровского полка. СПб.: В Морской типографии, 1813. С. 8. В примечании переводчика разъясняется, что «*Michel* qui signifie en Hébreu *Force de Dieu* etest (sic!)» и относится к имени князя Кутузова (Там же. С. 9).

[3] Там же. С. 14.

> свято чтущего веру своих праотцев и совершенно преданного своему Отечеству и Государю. Оно столько же мое, сколько и всех соземцев моих, и может заслужить благоволение ваше собственно потому, что писано в свойстве русского народа и в духе ненависти к врагу всей вселенной. Вот мои права на одобрение ваше.[1]

Хвостов также просит князя поднести эту оду Ее Императорскому Величеству Императрице Марии Феодоровне, Государыне Великой Княгине и Государям Великим Князьям, каждому из которых он посылает по экземпляру в бумажном переплете. Просьба графа была уважена.

20 августа 1813 года в «Северной почте» публикуется извещение о выходе в свет новой патриотической оды с французским переводом, «почтенный сочинитель» которой «прославляет ныне, яко усердный сын Отечества, в стройных, плавных и выразительных стихах, незабвенные подвиги соотечественников и возбуждает дух мужества в Гишпанских воинах, спешащих отсюда для освобождения природной страны своей».[2]

Наконец, 6 ноября 1813, уже после Битвы народов, Хвостов вновь пишет Куракину об этой оде: «Стихотворение сие столько счастливо, что ныне становится пророчеством. Громовой удар уже пал под Лейпцигом на врага вселенныя».[3] Профетическим Хвостов считал свое обращение к «страшилищу природы», против которого восстали «огонь, земля и воды»: «Се над твоей Главой готовый, / С высот небес *удар громовый*, / Уже висит... смотри... падет»).[4]

---

[1] Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752–1818). М.: Трутень, 2002. С. 361.

[2] Северная почта. 1813. № 67. 20 авг. С. 1.

[3] Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину. С. 362.

[4] *Хвостов Д. И.* Ода на истребление Французской армии... С. 12. «Сие было писано до Лейпцигской баталии и перехода через Рейн, — замечал Хвостов в примечании к оде в первом томе Собрания сочинений 1817 года, — следственно о падении Наполеона положительно ничего сказать не можно было» (*Хвостов Д. И.* Лирические творения. Ч. 1. С. 231). 18 августа 1815 года Хвостов поднес князю Куракину оду «На вторичное вступление сынов Европы...», направленную «против лжемудрости, безверия и безначалия» (Там же. С. 363).

Нет никаких сомнений, что честолюбивому и восторженному автору ода «На истребление...» казалась сочинением достойным не только российской, но и международной славы.[1]

ИГРЫ ПРЕСТОЛОВ

Историю французского перевода хвостовской оды раскрывает письмо де Местра королю Виктору Эммануилу, датированное 6 (18) сентября 1813 года.[2] В этом письме, до сих пор не попадавшем в поле зрения исследователей русской литературы, сардинский посланник советует своему сюзерену уважить некую просьбу доброго графа Хвостова относительно его сына (речь идет, как я полагаю, о сардинском ордене св. Маврикия и Лазаря [Ordine dei Santi Maurizio e Lazzaro], полученном гр. Александром Дмитриевичем Хвостовым от короля[3]).

Хвостов, пишет де Местр, является шурином (beau-frère) военного министра Горчакова и оказывает сардинскому посланнику некие важные услуги. Он также постоянно называет себя его соотечественником, ибо носит титул графа Сардин-

---

[1] Хвостов гордился тем, что его ода на мир с Англией 1812 года была переведена на язык Шекспира англиканским пастором в Петербурге Л. К. Питтом (1773–1813). А. А. Писарев сообщал автору о том, что вручил эту оду сэру Роберту Томасу Вильсону, представителю Англии при российской армии, «на ту пору отправлявшему депеши в Константинополь», куда, возможно, «и полетела ваша ода». Это сообщение завершалось галантным, хотя и явно ироническим, стихотворным пророчеством: «В Константинополе иль в Самаркане / Какой-нибудь в чалме из усачей, / Со помощию толмачей, / На мягком возлежа диване, / Преложит те стихи... Вам вечная хвала! / Али, Алла, Али, Алла» (Русская старина. 1892. Т. 74. С. 584). Перевода оды Хвостова на турецкий язык нам не удалось обнаружить. Английский перевод Питта назывался «Ode on the peace between Russia and England».

[2] *Maistre J. de.* Correspondance diplomatique. T. 1. P. 338–339.

[3] Король Сардинский, вспоминал Хвостов в 1822 году, «соизволил прислать орден св. Лазаря и Маврикия сыну его графу Александру, камер-юнкеру, коллежскому асессору, находящемуся кавалером посольства при миссии в Дрездене, который он и носит, ибо отец испросил чрез письмо высочайшего императорского дозволения» (*Сухомлинов М. И.* История Российской академии. СПб., 1885. Вып. 7. С. 539 (Сб. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 37)). Еще в 1799 году шурин Хвостова, будущий военный министр А. И. Горчаков писал ему, что суворовские победы — самое время для родственников полководца «обоброчить» короля Сардинского и «содрать» с него «кожуринку» (см.: Русская старина. 1877. Т. 18. С. 598). Как видим, «кожуринки» в хвостовском семействе пытались сдирать с Сардинского короля и через 14 лет после побед фельдмаршала.

ского.[1] (Добавим, что любовь русского стихотворца к соприродному ему сардинскому двору проявилась еще в начале 1811 года, когда Хвостов отправил с российским посланником в Сардинию гр. Моцениго королю Сардинскому письмо и экземпляр своей поэмы «Притчи» на французском языке[2]).

Словом, это очень полезный для интересов несчастного сардинского двора человек. Наконец, граф Хвостов является еще и весьма искусным мастером слова, даже поэтом, а также членом Академии наук (и кроме того, добавим, почетным членом «католического» Виленского университета[3]). Он только что написал оду на истребление французской армии в 1812 году, которой придает настолько важное значение, что думает отправить ее Сардинскому королю, королю обеих Сицилий, английскому принцу-регенту и, наконец, испанским кортесам. Хвостов, продолжает де Местр, желал, чтобы его важная ода была переведена на французский язык, и пришел в восторг, когда сардинский посланник предложил ему свои услуги с единственным условием оставить имя переводчика в тайне, ибо в оде содержатся некие «оскорбления» (речь, видимо, идет о недипломатических эпитетах по отношению к ужасному Корсу), а посланник чужого государства не имеет права дурно отзываться в письменной форме даже о том, кто заслуживает самых резких инвектив.[4]

---

[1] Получение графского титула сопровождалось переменой в родовом гербе Хвостовых: «Король сардинский, спустя несколько времени, захотел усугубить свою милость к нашему автору и умножил российский его герб включением головы мавра и латинскою надписью: *за храбрость на альпийских горах*. Автор наш таковою надписью весьма забавлялся, говоря, что исследователи древности чрез 500 лет будут думать по сей надписи, что он великий герой» (*Сухомлинов М. И.* История Российской академии. Вып. 7. С. 539).

[2] Этот перевод был выполнен французским учителем сына Хвостова Делондом (L'apologue: Poème / Traduit du russe par G. J. Deslondes. Paris; St.-Pétersbourg, 1809).

[3] В декабре 1810 года Хвостов отправил свои лирические творения и письмо о словесности ректору Виленского университета Ивану Снядецкому и 20 января 1811-го получил известие о своем избрании почетным членом этого университета (см.: Из архива Хвостова. С. 366, 368).

[4] «...sous la simple condition d'un secret rigoureux, car il y a beaucoup d'insultes dans sa pièce, et un ministre ne doit jamais insulter par écrit qui que ce soit, même les gens les plus *insultables*» (*Maistre J. de.* Correspondance diplomatique. P. 338).

Из контекста письма следует, что предложение Местра перевести оду Хвостова было не столько знаком его дружеского расположения к русскому вельможе-стихотворцу (о нем он говорит с легкой иронией), сколько расчетливой услугой (своего рода платой за оказанное содействие) российскому сенатору, влиятельному родственнику военного министра и сочувственнику сардинского короля.[1]

Далее де Местр рассказывает колоритный анекдот, связанный с историей и последствиями своего перевода:

> Могу позабавить Ваше Величество: мне кажется, что славный граф Хвостов пребывает в заблуждении то там, то сям. Я же без обиняков объяснил ему, что он намеревался сказать. В XVI строфе он написал: *tzaré Lombardski, Sitsiliiski* (князья или цари Ломбардии и Сицилии), что показалось мне неверным и ложным. Я предложил ему: *князья, правящие богатыми землями Пьемонта и обеих Сицилий*, что он весьма одобрил, поэтому я не сомневался, что он изменил свой текст. Не тут-то было! Государь, он напечатал свой текст, как он есть, а рядом — мой перевод, так что один русский заметил мне: «Но что в голове у переводчика, если вместо Ломбардии он ставит *Пьемонт*?» Я небрежно ответил: «Наверное, этот юноша просто не слишком хорошо знает, о чем пишет». По сути, Хвостов, конечно же, имел в виду *Пьемонт*. Но меня в этой ошибке никто не заподозрил, поскольку русские не обратили на нее ни малейшего внимания.[2]

Речь идет о следующей строфе из хвостовской оды:

Цари Ломбардски, Сицилийски!
Ваш скоро прекратится стон.
Часы отрады общей близки,
И похищенный Корсом трон,
Тирана свободясь сурова,
Украшен будет вами снова; —
Свирепа в Ад уйдет война.
Цари и верны им народы,
Забыв жезл гибельной свободы,
Счастливы узрят времена.[3]

---

[1] Жозеф де Местр не был ни переводчиком, ни поэтом. Его брат Ксавье переводил на французский язык басни И. А. Крылова — конкурента гр. Хвостова.

[2] *Maistre J. de.* Correspondance diplomatique. P. 338–339. Здесь и далее перевод Марианны Таймановой.

[3] *Хвостов Д. И.* Ода на истребление Французской армии... С. 18.

В переводе де Местра: «*Princes qui régnez sur les riches campagnes du Piémont et des deux Siciles*, vos calamités vont finir. Nous allons voir ce moment universellement désiré; ce moment qui vous rendra vos sceptres et vos états envahis par un usurpateur. Peuples et souverains, oubliant les maux enfantés par une fausse et pernicieuse liberté, verront encore des temps fortunés».[1]

Дело здесь, разумеется, не в ошибке, неточности или «глупости» Хвостова, а в дипломатическом faux pas. Ломбардия до войн с Францией была частью Австрии (и не королевством, а географическим наименованием) и ей же должна была быть возвращена после победы над Наполеоном (создателем марионеточной Цизальпинской республики, а потом Итальянского королевства).[2] В свою очередь Пьемонт (о котором Хвостов забыл упомянуть, хотя и подразумевал его, если верить де Местру) был главной, материковой частью Сардинского королевства, также захваченной Францией, — его возвращение савойской династии было важнейшей составляющей дипломатической миссии де Местра в Петербурге.[3]

---

[1] Там же. С. 19. Курсив мой. — *И. В.*

[2] Само наименование «королевство Ломбардии и Венеции» [Regnum Langobardiae et Venetiae] появилось лишь в результате договоренностей на Венском конгрессе как часть итальянских владений империи Габсбургов.

[3] Так как Савойя, Ницца и Пьемонт были потеряны в результате войн с революционной Францией, с 1798 года владения савойской династии ограничивались одной Сардинией. Целью сардинской политики было восстановление в Европе после Наполеона дореволюционного status quo с непременным возвращением Пьемонта законному сюзерену. Изгнание Наполеона из России, по словам историка, «разбудило активность Местра, как дипломата». 17 декабря 1812 года он подал военному министру Горчакову записку об интересах савойской династии, в которой выражал надежду «на вероятную перемену» во Франции, сулящую, *по крайней мере*, возвращение Пьемонта. В особой записке на имя Александра I Местр пишет о выгодах российской поддержки сардинского короля как «друга, необходимого русскому императору, друга, при помощи которого русский император может действовать на По, как на Двине». Нужно только вернуть королю Пьемонт и отдать ему Геную (см.: *Степанов М.* Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. М., 1937. Т. 29–30. С. 605).

«Поправка», внесенная сардинским посланником в перевод (Piémont) и вроде бы согласованная им с Хвостовым, соответствовала политике Сардинского королевства и служила полуофициальным (ода российского сенатора и члена Академии) подтверждением тому, что Россия продолжает действовать в интересах королевства. Логичным в этом «итальянском» контексте хвостовской строфы, переведенной Местром, было и упоминание des deux Siciles (т. е. королевства обеих Сицилий, завоеванного Наполеоном). Возвращение же «похищенного» трона ломбардскому «царю» в русском тексте звучало едва ли не как возмутительный и опасный призыв к независимости части Австрийской империи после крушения наполеоновского государства (едва ли сам Хвостов об этом подумал; скорее всего, он упоминает Ломбардию в связи с той ролью, которую некогда сыграл в ее, равно как и Пьемонта, освобождении его родственник и кумир фельдмаршал А. В. Суворов; именно за этот победоносный итальянский поход Хвостов и получил, по ходатайству «дяди», титул Сардинского графа[1]). Более того, пикантность ситуации заключалась в том, что на протяжении многих лет Австрия заявляла свои права на Пьемонт, а де Местр добивался включения ломбардских земель в Сардинское королевство.[2] Сам того не ведая, Хвостов одним необдуманным словом наступил на старую дипломатическую мозоль австро-сардинских отношений (вопрос о Ломбардии и Пьемонте решился только на Венском конгрессе). Неудивительно, что кто-то из русских знакомцев

[1] В 1799 году Хвостов выполнял роль посредника между Суворовым и Павлом и был посвящен в грандиозные военно-политические планы фельдмаршала. Итальянские победы Суворова Хвостов воспел в «Стихах государю императору, на взятие крепости Бретчио у французов» и «Отрывок» 1799 года (именно из последнего, как нам удалось установить, насмешники Хвостова и «позаимствовали» стих «Суворов мне родня, и я стихи плету» — искажение стихов Хвостова «Я мыслил о себе, что я стихи плету, / Суворов мне родня, Его от сердца чту» (см.: *Виницкий И.* Граф Сардинский. С. 76–78)).

[2] См. изложение позиции де Местра по отношению к Ломбардии в контексте австро-сардинской политики в написанном в декабре 1812 года «Mémoire sur la situation et les intérêts de S. M. le roi de Sardaigne à cette époque»(*Maistre J. de.* Correspondance diplomatique. T. 1. P. 272–287).

Местра заметил политически двусмысленное различие между оригиналом и переводом. Дипломату пришлось отделаться шуткой и объяснить этот инцидент невежественностью юного дурачка-переводчика.

Справедливости ради, надо признать, что де Местр сам совершил фактическую ошибку в переводе. Так, к стихам о Наполеоне как «Батые новом», которому Москва принесла себя в жертву ради спасения России, де Местр дал примечание: Батый (Batti) — «татарский завоеватель 16-го века» («conquérant tartare du 16-me Siecle»[1]).

ТРИ СЕСТРЫ

Между тем куртуазная ирония де Местра, посмеивающегося над незадачливым русским стихотворцем, не отменяет серьезности предпринятого дипломатом литературного опыта. «Ваше Величество, возможно, удивится, что я сумел перевести эту пьесу, не зная русского, — пишет де Местр. — Нет ничего проще, Государь, чем сделать это, обратясь к латыни». Для того, кто обладает «неким чувством меры и общими знаниями языков», утверждает он, достататочно иметь верный и простой перевод на этот язык, ибо «русский и латынь прекрасно переводятся между собой, так же как и санскрит, священный язык индийцев, исчезнувший уже более двух тысяч лет назад». Эти три далекие языка, продолжает де Местр, «являются родственными, наподобие сестер», а так как «нельзя быть сестрами, не имея общей матери, то Ваше Величество может убедиться, на какое огромное расстояние мы оказываемся перенесены».[2]

Иначе говоря, через латинский подстрочник де Местр попытался воссоздать «дух» русского оригинала (или, как он говорил, «гений языка»). Более того, приведенные выше рассуждения графа о родстве русского, латинского языков и санскрита, восходящих к единому материнскому языку, предвосхищают сформулированную им в «Петербургских вечерах» («Soirées de St.-Pétersbourg», 1821) религиозно-лингвистическую теорию праязыка. В одном из примечаний

---

[1] *Хвостов Д. И.* Ода на истребление Французской армии... С. 5.
[2] *Maistre J. de.* Correspondance diplomatique. T. 1. P. 339.

ко второй беседе «Вечеров», посвященной лингвистической утопии этого мыслителя, говорится, что «родство латинского и славянского, с необходимостью предполагающее общий источник, — факт хорошо известный».[1] Менее известно, продолжает он, «родство славянского и санскрита», на которое он впервые обратил внимание при чтении диссертации отца Паулина де Сен-Бартелеми «De latini sermonis origine et cum orientalibus Unguis connexione» (Romae, 1802, in 4°).

Надо полагать, что де Местру была также известна развернувшаяся на рубеже 1800–1810-х годов в России полемика о соотношении санскрита со славянскими языками (см. ее подробный обзор в классическом «Очерке истории языкознания в России» С. К. Булича[2]). О важности для него этой полемики свидетельствует и его переписка 1810–1813 годов с молодым С. С. Уваровым (Местр критиковал последнего за излишнее увлечение древней Индией в поисках «спасения в каком-то общем источнике <языков, вер и традиций. — *И. В.*>, чтобы устранить первенство Моисея»[3]). Акт перевода с русского на французский через посредничество латинского языка, по мысли Местра, свидетельствовал о своего рода языковом союзе разбросанных во времени и пространстве языков-сестер, восходящих к одной общей духовной мате-

---

[1] *Местр Ж. де.* Санкт-Петербургские вечера / Пер. с фр. и прим. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998. С. 133. Много лет спустя об использовании латинского языка как ключа к переводу русской поэзии напишет Проспер Мериме в примечании к своему французскому переводу VI строфы пушкинского «Анчара» («Mais un homme a fait un signe, un homne obéit; on l'envoie à l'antchar, il part sans hésiter, et le lendemain il rapporte le poison»): «Только латынь может дать представление о сжатости русского подлинника: At vir virum — misit ad antchar superbo vultu et ille oboedienter viam ingressus est — et rediit mane cum veneno» (см.: *Боровский Я. М.* О переводах стихотворений Пушкина на латинский язык // Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972. С. 68–76).

[2] *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. 1 (XIII в. — 1825). С. 137, 319, 499–501, 503–505, 598. Первый печатный опыт сличения русского языка с санскритом отнесен Буличем к 1811 году — выходу брошюры «Rapports entre la langue Sanscrit et la langue Russe, présentés à l'Académie lmpériale Russe» (St.-Pétersbourg, 1811), автором которой был Ф. П. Аделунг (русский перевод Павла Фрейганга «О сходстве санскритского языка с русским»).

[3] *Степанов М.* Жозеф де Местр в России. С. 688.

ри.[1] Иными словами, его перевод не только дипломатическая любезность, но и идеологическая, по сути дела, декларация.[2]

Здесь следует подчеркнуть, что формирование лингвистических взглядов де Местра было связано не только с его многолетним увлечением мистическим учением Сен-Мартена об утраченном первоязыке, но и происходило в контексте современной ему дискуссии о старом и новом слоге русского языка, отношении последнего ко французскому (вопрос о заимствованиях), месте среди других языков, связи между книжным языком и разговорной речью и проч.[3] В свою очередь популярный в русских салонах мыслитель-консерватор (сохранилось свидетельство о том, что он посетил заседание «Беседы» 15 декабря 1811 года, на котором Шишков читал свою речь «О любви к отечеству» и, не владея русским языком, «старался узнать о подробностях чтения»[4]) оказывал воздействие и на спорящие стороны.[5]

---

[1] Обратим внимание на любопытную идеологическую параллель в творчестве В. А. Жуковского: чтобы реконструировать по-русски древний дух «Одиссеи» (1843–1849), он заказал немецкому эллинисту немецкий подстрочник, который сопровождал каждое греческое слово оригинала, и сквозь какофонические «визги» такого текста-посредника проникал в духовный смысл гомеровского эпоса. О религиозно-консервативной основе такого представления о переводе-воскрешении см. главу «Теодиссея Жуковского» в нашей книге: *Виницкий И.* Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 235–261.

[2] Подробнее изложение и критику местеровской лингвистической теодицеи см. у Умберто Эко: «It is typical of reactionary thought to establish a double equation, between Truth and Origin and between Origin and Language. The Thought of Tradition serves only to confirm a mystical belief that arrests any further reasoning» (*Eco U.* Serendipities: Language & Lunacy / Translated by W. Weaver. London, 1998. P. 114–115).

[3] См. исследования Ю. Н. Тынянова, М. Альтшуллера, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, Б. М. Гаспарова, В. М. Живова, О. П. Проскурина.

[4] А. С. Шишков по воспоминаниям К. С. Сербиновича // Русская старина. 1896. Т. 87. С. 575. Исследователь русской карьеры де Местра М. Степанов (Шебунин) писал, что на заседаниях «Беседы» Местр искал сближения с шишковским кругом дворянской оппозиции, «ведь последние были также проникнуты непримиримой враждой к революции и либерализму и ко всяким попыткам расширения социальной базы самодержавия» (*Степанов М.* Жозеф де Местр в России. С. 598).

[5] См. упоминавшуюся выше переписку Местра с Уваровым, а также прекрасную статью о типологическом сходстве и отличиях языковых утопий де Местра и Шишкова: *Парсамов В.* Жозеф де Местр и А. С. Шишков // Актуальность Жозефа де Местра: Материалы российско-французской конференции. М., 2012. С. 145–158.

Неслучайно рассуждения де Местра о «начале языков», высказанные в «Петербургских вечерах», привлекли к себе пристальное внимание Шишкова, опубликовавшего «Некоторые выписки из сочинений графа Меистера с примечаниями на оные».[1] По мнению Булича, мотивом к переводу и изданию в свет «любительских экскурсий де Местра в область языкознания было сходство во взглядах и методе обоих дилетантов-языковедов, нашего и французского».[2] Сам де Местр относился к Шишкову с известной иронией, называя его «славным, простым, набожным стариком, который славится своей огромной эрудицией и глубоким знанием родного языка», но при этом не способен хорошо служить своим пером императору России.[3] Речь идет о написанном Шишковым высочайшем указе сенату «О высылках всех иезуитского ордена монахов из Санкт-Петербурга» от 1 января 1816 года (20 декабря 1815 года) — указе, свидетельствовавшем о политическом поражении самого Местра, в свое время убедившего императора Александра дать статус Академии полоцкой иезуитской коллегии. Слогу Шишкова, продолжает он, «совершенно недостает точности, лаконизма, *философии стиля* (если так можно выразиться) и тончайшего такта, который все расставляет по своим местам», а постоянное использование этим почтенным старцем текстов из Священного Писания в государственных и дипломатических документах абсолютно чуждо «европейскому уху». Это смешение языков де Местр («мастер эффектной реплики», по определению В. А. Мильчиной[4]) ост-

---

[1] *Шишков А. С.* Некоторые выписки из сочинений графа Меистера с примечаниями на оные // Известия Российской Академии. СПб., 1823. Кн. XI. С. 46–76. «Выписки» из де Местра с приложением примечаний были также напечатаны в Собрании сочинений и переводов Шишкова (*Шишков А. С.* Собр. соч. и переводов. СПб., 1827. Ч. XI. С. 264–290). В. Парсамов, рассматривая принципиальные отличия лингвистических утопий этих авторов, подчеркивает, что их взгляды «расходились таким образом, что их формулирование не предполагало взаимную полемику» (*Парсамов В.* Жозеф де Местр и А. С. Шишков. С. 157).

[2] *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. С. 613.

[3] «L'ukase a été rédigé par M. l'amiral Chichkof, bon vieillard simple, pieux, connu par une assez grande érudition et par une connaissance approfondie de sa langue, mais cependant nullement fait pour prêter sa plume à un empereur de Russie; il manque tout à fait de précision, de laconisme, de la *philosophie du style* (s'il est permis de s'exprimer ainsi) et de ce tact délicat qui met chaque chose à sa place» (*Maistre J. de*. Correspondance diplomatique. T. 2. P. 158).

[4] *Мильчина В.* «Человек острого ума сказал...»: Жозеф де Местр как мастер светской беседы // Актуальность Жозефа де Местра. С. 127–144.

роумно сравнивает с добавлением отменного токайского вина в суп.[1]

Вернемся к местровскому переводу оды «На истребление...». Забавно, что для своего лингво-теологического эксперимента он выбрал стихи такого поэта, как Хвостов (впрочем, его явно интересовали не поэтические красоты и глубины, а этимологическая и духовная природа языков). Насколько удачен был его эксперимент по передаче русского «духа и словосочинения», сказать трудно, потому что не сохранился латинский подстрочник, сделанный скорее всего не Хвостовым, а одним из его секретарей или кем-то из латинистов-католиков, входивших в петербургский круг его общения в начале 1810-х годов и пользовавшихся покровительством де Местра.[2] Сам Хвостов, как мы знаем,

---

[1] «*C'est lui qui a transporté dans les actes ministériels et diplomatiques ces textes de l'Écriture qui ont si peu satisfait l'oreille européenne. Le vin de Tokai* est excellent sans doute, cependant on n'en met point dans la soupe» (*Maistre J. de*. Correspondance diplomatique. T. 2. P. 158; курсив мой. — *И. В.*). В этом письме Местр цитирует указ по французскому и немецкому переводам, опубликованным в соответствующих изданиях «La Gazette officielle de Saint Pétersbourg». Приведем образец гремучей языковой «смеси», о которой говорит Местр, во французском переводе указа: «Porter un homme à abjurer sa Foi, la Foi de ses aïeux; éteindre en lui l'amour pour ceux qui professent le même culte; le rendre étranger à sa patrie, semer la zizanie et l'animosité dans les familles; détacher le fils du père et la fille de la mère; faire naître des divisions parmi les enfants de la même Église; est-ce là la voix et la volonté de Dieu et de son fils divin Jésus-Christ notre Sauveur, qui a versé pour nous son sang le plus pur, afin que nous menions une vie paisible et tranquille dans toutes sortes de piété et d'honnêtetés. Après de pareilles actions, nous ne sommes plus surpris que l'Ordre de ces Religieux ait été éloigné de tous les pays et toléré nulle part. Quel est en effet l'État qui pourra souffrir dans son sein ceux qui y répandent la haine et le trouble?» (*Crétineau-Joly J*. Histoire religieuse, politique et littéraire de la Compagnie de Jésus. Paris, 1846. V. 6. P. 23).

[2] Хвостов был человеком великолепно образованным, знавшим несколько европейских языков и глубоко осведомленным в истории языка родного. В 1813 году он перевел с латинского на русский и опубликовал с приложением оригинала послание Горация к Пизонам (*Буало-Депрео Н.* Наука стихотворства. Издание второе, с приложением Горациева к Пизонам послания в подлиннике и с российским прозаическим оного переводом. СПб., 1813; цензурное разрешение 24 мая 1813 года). Державин, особо не жаловавший Хвостова, хвалил этот его перевод за точность. Хотя нельзя исключать возможности того, что граф сам перевел свою оду на латынь, все же более вероятным нам представляется участие в этом не дошедшем до нас переводе профессионального «латиниста». Таким переводчиком вполне мог быть кто-то из находившихся в столице иезуитов, владевших русским языком и отрекомендованных Хвостову де Местром. Заметим, что в 1814 году польский иезуит и учитель Виленской гимназии Станислав Черски (Stanislas Czerski, 1777–1833) перевел на латинский язык оду Державина «Бог» (*Derzavin G. R.* De Deo carmen Rossiacum illustris Derzavini vulgatum An. 1814 latinis elegis explicari tentatum a Stanislao Czerski. Vilnae, 1815).

находил французский перевод де Местра «близким и удачным», но он явно был лицом заинтересованным в распространении своего слова по миру и довольствовался бы любым переводом.

Сличение французского текста с оригиналом показывает (еще раз подчеркнем, что Местр переводил с латинского подстрочника), что сардинский посланник последовательно сжимал многословие Хвостова, снижал (или не мог воспроизвести по-французски) его высокопарный «библейский» слог (слово «престал» передано в переводе как «il dit»; «громометный» как «la foudre», «уста» как «langue», а апостольское «Держай» [Бог Вседержитель],[1] очевидно, взятое Хвостовым из «Гимна лиро-эпического на прогнание французов» Державина,[2] заменено местоимением «он»). Местр также устранял избыточные похвалы России (например, не перевел стихи «Щедроты полн ей предоставил / Спасение Европы стран»), избегал именования Наполеона корсиканцем («Корсом») и перефрастически заменил «*Москву*, напастьми окруженну» на «Environnée de toutes les horreurs de la guerre, *LA VILLE-MERE*» (калька с metropolis).[3] Иными словами, в своем переводе хвостовской оды Местр следовал не «диким» гастрономическим рецептам русских «архаистов» (хотя некоторая ориентальная возвышенность им и сохраняется для колорита), а «европейским» принципам меры, точности, лаконизма и «тончайшего такта».

«ВЕЛИКОЕ ЕДИНЕНИЕ»

Вовлеченность де Местра в дискуссию о старом и новом слоге в 1800–1810-е годы свидетельствует о том, что битва между шишковистами и карамзинистами, обычно рассмат-

---

[1] «Тайна бо уже деется беззакония, точию держяй ныне дондеже от среды будет» (2 Фес. 2: 7).

[2] «Держай твердь, море, землю, ад...» (цит. по: *Державин Г. Р.* Соч. / С объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1866. Т. 3. С. 142).

[3] Здесь уместно будет вспомнить толстовскую критику сентиментальности французов и их императора в романе «Война и мир»: «И, чтоб окончательно тронуть сердца русских, он, как и каждый француз, не могущий себе вообразить ничего чувствительного без воспоминания о ma chère, ma tendre, ma pauvre mère, он решил, что на всех этих заведениях он велит написать большими буквами: Etablissement dedié à ma chère Mère. Нет, просто: Maison de ma Mère, — решил он сам с собою» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1940. Т. 11. С. 328).

риваемая как явление сугубо национальное, была частью (хотя и весьма своеобразной) споров о соотношении языка и мысли, о «преждебывшем», «всеобщем» (французском) и «национальном» языках, охвативших Европу в период наполеоновских войн, интерпретировавшихся самим де Местром как новое вавилонское столпотворение.

В конце второй беседы в «Петербургских вечерах» Местр, глубоко убежденный в том, что мысль и язык являются «великолепными синонимами», цитирует пророческое наблюдение благочестивого Г. С. Байера, высказанное в его книге, напечатанной в 1730–1731 годах в Петербурге и прочитанной савойским мыслителем в библиотеке Российской академии: «Пока еще нельзя понять, <...> к чему послужат наши занятия в области языков, но скоро их плоды станут видимы. Великий замысел Провидения заключен в том, что языки, еще два столетия тому назад никому в Европе не известные, стали в наши дни доступны каждому. Уже сейчас можно об этом замысле догадываться, способствовать же его осуществлению всеми силами есть наш священный долг».[1] Ныне такие времена настали, утверждает де Местр:

> Поразмыслим сначала о *всемирном языке*. Никогда еще это звание не подобало в такой степени языку французскому, — и, что удивительно, владычество этого языка растет вместе с его бесплодием. Лучшие его времена уже позади, и однако, все его понимают, все на нем говорят, и едва ли существует в Европе хоть один город, где не нашлось бы несколько человек, умеющих на нем правильно писать.[2]

Говорящие на нем народы «вместе и враги, и родственники», и «[в]се возвещает о том, что близится великое единение», которое современники могут приветствовать издалека. Народы Европы, пишет де Местр, по всей справедливости подвергнуты «мучительному дроблению», но, если его «слабые глаза достойны хотя бы смутного проникновения в божественные тайны, то раздробили нас лишь для того, чтобы вновь соединить».[3] Для савойского

---

[1] *Местр Ж. де.* Санкт-Петербургские вечера. С. 113–114.
[2] Там же. С. 114.
[3] Там же. С. 116.

государственного деятеля, страстного критика *революционного* французского языка, созданного ложными мудрецами-просветителями и разносящего по миру губительные идеи, современные языковые споры и баталии не менее значимы, нежели реальные битвы, союзы и коалиции. В конечном итоге они свидетельствуют о приближающемся, по воле «бесшумного» Промысла, возвращении «языковой Астреи» в лоне римской католической церкви. «Прекраснейшим (то есть наименее современным и наиболее богатым) из всех языков, — пишет о языковой утопии де Местра Исайя Берлин, — остается язык церкви и великого Римского государства — лучшей разновидности правления из всех, известных человеку <...>. Латынь сама по себе способна обеспечить благонадежность», и соответственно «иезуиты — единственные воспитатели, которым можно довериться, ибо они пользуются латынью как средством распространения правды, воплощенной в средневековой нравственности».[1] В свою очередь, всемирный французский язык представляется Местру наследником и (при необходимом очищении от революционных злоупотреблений) продолжателем дела латыни. Символично, что воображаемая петербургская беседа Местра завершается двумя стихотворными цитатами о приближающемся счастливом дне — латинской из «Энеиды» Виргилия («O mihi tam longae maneat pars ultima vitae»[2]) и французской из «Обители» («La Chartreuse») Ж.-Б.-Л. Грессе («Courez, volez, heures trop lentes / Qui retardez cet heureux jour»[3]).

Какое место займет в грядущем языковом преображении мира Россия? В целом критически относившийся к русской культуре, де Местр предсказывал, что в ближайшем будущем ее «ожидает слава в литературе <поэзии. — *И. В.*>; слава, достойная римлян».[4] В таком случае переведенные им с помощью классической латыни стихи о великой победе

---

[1] *Берлин И.* Жозеф де Местр и истоки фашизма // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 96.

[2] «О, могут длиться ли подольше дни жизни поздние мои...» (*лат.*).

[3] «Бегите, летите, слишком медленные часы, / Отдаляющие этот счастливый день» (*фр.*) (*Местр Ж. де.* Санкт-Петербургские вечера. С. 114).

[4] Там же. С. 608.

Россов над *un usurpateur* (в оригинале «Корсом») и сияющей уже «l'aurore de la liberté Européenne»,[1] написанные графом Хвостовым, могли осознаваться де Местром не только как поэтическая декларация европейской позиции России накануне решительной битвы с безбожным тираном, но и как одно из знамений наступающего славного века русской литературы — единокровной сестры латинской и французской. Знаменательно, что *по пути* к «мировому» французскому языку де Местр требует от стихотворения русского поэта пройти через *латинизацию* (уж не в этом ли переводческом прозелитизме была хитрость опытного ловца душ?).

В этой связи крайне интересна лингво-идеологическая трансформация (апроприация) финальной строфы хвостовской оды, изображающей небесную кару Наполеону и наступление века Россов. «Россиянин, свято чтущий веру своих праотцев и совершенно преданный своему Отечеству и Государю», не только встраивает в свой текст отсылки к славянскому Священному Писанию, но и перелицовывает (или, говоря словами самого Хвостова, очищает от «темноты» изложения) стихи из «Гимна лиро-эпического...» своего вечного соперника Державина:

Так будет... узрим... Вседержитель
На буйство правду ополчил;
Покров невинных — Бог отмститель
Пошлет вождя небесных сил.
Он озарит лучами славы
Царя Российския державы;
Он, грозный обращая взгляд
Против тирана сам восстанет;
Держай в деснице громы — грянет —
Нечестие низринет в ад.[2]

---

[1] «При вас Европы всей свободы / Явилась светлая заря» (*фр.*).

[2] *Хвостов Д. И.* Ода на истребление Французской армии... С. 22. Ср. в «Гимне лиро-эпическом на прогнание французов...» (1812): «Держай твердь, море, землю, ад / И равновесье меж мирами; / Дышай зефирами, громами / И все в един вмещаяй взгляд, / Воззрев на лесть Наполеона, / На святость Александра трона, / В нощь темных туч себя облек / И тихим гулом грома рек: / „Полна нечестья Галлов мера, / Спасает Россов тепла вера!“» (*Державин Г. Р.* Соч. Т. 3. С. 142).

В свою очередь, де Местр «очищает», отталкиваясь от «дисциплинирующего» латинского подстрочника, русский оригинал от резких стилистических перепадов и переводит его на язык своих собственных предсказаний, восходящих к началу его дипломатической (и проповеднической) карьеры в России:

> Nos vœux seront accomplis. Le tout — puissant arme la justice contre l'orgueil. Le Dieu protecteur de l'innocence; le Dieu des vengeances a parlé; à sa voix, le chef de la milice céleste couvre le souverain de la Russie d'une gloire éblouissante: Fronçant un sourcil menaçant l'ange s'apprête à frapper le tyran; d'un coup de la foudre remise dans ses mains il le précipitera dans l'abyme).[1]

Таким образом, пройдя соответствующую двойную лингвистическую дистилляцию, милленаристски-легитимистская ода пожилого графа Хвостова, несмотря на свою политическую наивность и стилистическую расхлябанность, оказывается для де Местра подходящим образцом «молодой» российской словесности.

НОВЫЙ СОВЕТ

В историко-идеологическом контексте, как мы полагаем, следует рассматривать и позицию Хвостова, применившего лингвистические верования де Местра к своим собственным воззрениям и нуждам. «Русского Буало» едва ли волновал мистический смысл реконструкции языкового единства путем возвращения к общему сакральному истоку, но мысль о том, что современный русский (разговорный) язык так же

---

[1] *Хвостов Д. И.* Ода на истребление Французской армии... С. 23. Как заметил Я. Грот в комментариях к державинскому «На парение орла» (1812), еще в 1805 году сардинский посланник сравнивал Наполеона с апокалиптическим зверем и выражал надежду дожить до дня его низвержения в бездну: «До сих пор *зверь* имел перевес. Весь мир земной идет за ним и поклоняется ему. У него с десяток голов и столько же диадем в итоге. Не знаю, когда его свергнут в пропасть. Что до меня, [государь мой], не могу отказаться от надежды дожить до того, что он сделает этот скачок» (*Державин Г. Р.* Соч. Т. 3. С. 135). В оригинале: «...jusqu'à présent la *bête a prévalu. Toute la terre la suit et l'adore. Elle a bien une dizaine de têtes, et autant de diadèmes, en tout comptant.* Je ne sais quand elle sera jetée dans l'abîme. Pour moi, Monseigneur, je ne puis renoncer à l'espérance de lui voir faire le saut» (*Maistre J. de.* Lettres et opuscules inédits. Paris, 1851. T. 1. P. 32–33).

относится к церковно-славянскому (книжному), как французский к латыни, привлекала его своей прозрачной формульностью и очевидной патриотической заряженностью: богатство русского языка раскрывается в единстве его национального прошлого и будущего[1] (следует отличать примирительную позицию Хвостова, во всем искавшего «серединку», от воинственного шишковского национализма).[2]

В четвертом послании о поэзии, с которого мы и начали нашу статью, поэт-ветеран Хвостов так обращается к юному питомцу муз:

Смотри, не презирай и корня языков,
Исследуй ветви их, ростки старинных слов,
Постигни первых лет *зародок*,[3] блеск понятий,
И правил надобность, и времена изъятий;
Коль мудрость испытал и силу языка,
На Геликона верх тебе стезя легка.
Невежда иногда об мудрости мечтает,
И в языке одном два языка считает;
Ты смело утверждай, — у нас один язык,
И звучен, и легок, и ясен, и велик;[4]

---

[1] Лингвистические взгляды Хвостова формировались в диалоге с его ученым другом, сотрудником и корреспондентом епископом Евгением (Болховитиновым). См. детальный ответ последнего на вопрос Хвостова о славянском и русском языке в письме от 31 октября 1806 года: Переписка Евгения с гр. Д. И. Хвостовым / Чтение Я. К. Грота // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1868. Т. 5. Вып. 1. С. 138–139).

[2] «По моему мнению, — замечал Хвостов в самый разгар полемики о старом и новом слоге, — смешно быть кн. Шихматовым и жалко — кн. Шаликовым: первый будет надут, а второй, не читая Псалтыри, скуден не только в выражениях, но даже в мыслях и оборотах» (*Морозов П.* Граф Дмитрий Иванович Хвостов // Русская старина. 1892. Т. 75. С. 98). Также см.: *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

[3] В примечании к посланию Хвостов указал, что слова «ростки» и «зародок» он заимствовал из перевода первой песни «Ночей» Юнга (1829), сделанного «почтенным сочленом по Российской Академии» князем П. А. Шихматовым-Ширинским (II, 271). Перевод этой песни был опубликован в «Повременных изданиях Императорской Российской Академии» (1829. Ч. 1. С. 198–222).

[4] «Самостоятельный язык, — разъяснял Хвостов, — разделяется на две отрасли, то есть, что из одного и того же языка письменного вытекает другой язык — временный или разговорный» (II, 272).

Славянский, русский ли, — корни пустил глубоко,
Ветвь плодоносную распространил широко,
И поздней смерти чужд и старости морщин,
Утес недвижимый, стоит, как исполин. (II, 186)

Заметим, что хвостовская апология единого славенороссского языка не была анахронизмом в конце 1820-х годов. Именно в этот период в русских журналах вновь обострились споры о корнях отечественного языка и путях российской словесности — последняя битва старой войны, начатой Шишковым еще в 1803 году («лингвистические» публикации в изданиях Императорской Академии наук, оригинальные стихотворения и переводы кн. П. Шихматова и т. д.).

Сам Хвостов, как мы помним, рассматривал свой последний поход в защиту классических правил в связи с новым витком французской дискуссии о неоклассицизме и романтизме (поданная французскому королю жалоба академиков-классиков на поэтов-романтиков). Другое дело, что сражение это было уже давно проигранным. «Новый Совет ваш юным питомцам Муз прочитал я с великим удовольствием, — писал митрополит Евгений (Болховитинов) Хвостову по получению его поэтического „четвероевангелия“. — Но едва ли и оный образумит наших романтистских писцов, поющих ныне только злодейства и ужасы воображения; и это без правил почитают они искусством».[1]

В новых исторических обстоятельствах Хвостову, вероятно, и припомнился старый эксперимент знаменитого де Местра, подтверждавший, как считал русский стихотворец, справедливость его воззрений на вопрос о корнях и отличиях русского и французского языков.

* * *

Как мы уже говорили, Хвостов впервые раскрыл имя автора перевода его «Оды на истребление Французской армии» (и «Оды на вторичное взятие Парижа после Ватерлоо») в собрании своих сочинений 1817 года. В примечании к «гишпанской» оде он также указал, что сардинский по-

[1] Переписка Евгения с гр. Д. И. Хвостовым. С. 207.

сланник недавно был отозван на родину. Цензурное разрешение на печатание этого тома датируется 15 мая 1817 года, а де Местр покинул Россию за 12 дней до этого. Причем не просто покинул, а по сути дела был выдворен императором за католический прозелитизм и защиту иезуитов (которые были изгнаны из столиц незадолго до того).

Упоминание Хвостовым опального сардинского посланника «по горячим следам», конечно же, не было фрондерством. Оно объяснялось, надо полагать, пресловутым авторским самолюбием этого стихотворца (он очень любил ссылаться на переводы своих сочинений на иностранные языки и сам же их заказывал, например, учителю своего сына), авторитетом де Местра в кругу русских консерваторов и потерявшим теперь смысл обещанием не разглашать имя переводчика-дипломата. Возможно, это упоминание было также своего рода прощальным приветом одного сардинского графа — «языколюба» и борца с революционной идеологией — другому (разумеется, красноречивый католик де Местр никак не мог повлиять на твердую православную веру своего русского собеседника, в прошлом обер-прокурора Святейшего Синода). В примечании к посланию 1829 года (кстати сказать, по какой-то причине «Ода на истребление...» в последнее собрание сочинений не была включена) Хвостов добрым словом вспоминает своего «соотечественника», друга и переводчика, к тому времени, как он дважды замечает, уже покойного. Удивительно, что даже прозаические примечания к своим сочинениям он умел превращать в благодарственные воспоминания-эпитафии, посвященные тем, кто способствовал (никем не замеченному) успеху его многоглаголивой (или, как говорили злые языки, «болтливой») Музы.

«УЗЕЛ»

Неожиданное «вознесение» творения гиперактивного Хвостова до уровня лингвистической теодицеи де Местра не является каким-то исключительным парадоксом (вроде шуточного сближения «бессмертного и маститого» графа Хвостова с лордом Байроном в пушкинской оде 1825 года). Сближения в истории бывают, *как правило*, странные, поелику в природе все происходит значительно динамичнее

и естественнее, чем в научном изложении. Так как выйти за пределы исторического документа в пространство живой речи (а де Местр, как известно, был одним из самых замечательных мастеров — и реформаторов — жанра светской беседы[1]) можно только в художественном воображении, позволим себе завершить эту статью литературной (в игровом духе самого де Местра) реконструкцией заинтересовавшего нас мимолетного сотрудничества двух несоизмеримых по своему культурному значению графов, представленной в виде «дословного перевода» их воображаемого разговора славным летом 1813 года:

— Граф, Вы очень любезны, и я от всего сердца благодарю Вас за доведение до сведения Вашего знаменитого шурина наших интересов в известном Вам вопросе.

— Мое удовольствие, граф, ведь еще мой великий дядя проливал свою кровь за возвращение Ломбардии...

— *Пьемонта*, Ваше сиятельство...

— ... Пьемонта *и Ломбардии* их законным государям. (*Пауза*) У меня к вам только просьба одна: нельзя ли напомнить Его Величеству о моем сыне, который тоже, можно сказать, ваш соземец, сардинский граф?

— Извините, что затянули выполнение поручения. Я сейчас же напишу Его Величеству.

— Вы сама любезность, граф! Было очень приятно видеть Вас на гишпанских торжествах.

— Ваши новейшие стихи в конце завтрака, говорят, составили восторг всего общества и ни в чем не уступили старшим сестрам своим. Жаль, я не понимаю по-русски.

— Я только что написал оду на отплытие наших отважных гишпанцев из Кронштадта, посвященную ее императорскому величеству, в которой хорошенько отпотчевал этого проклятого, нечестивого, ужасного врага вселенной (право, я верю, что он враг вселенной)...

— О, как счастливы мы, что дожили до того дня, когда этот зверь *с десятью головами и столькими же диадемами* сделал наконец давно мною обещанный прыжок в бездну!

— Ах, любезный граф, как бы мне хотелось услышать мою оду по-французски и поднести ее Вашему королю! Надеюсь, моя поэма «Притчи», посланная мною Его Величеству через министра Моцениго два с половиной года тому назад, заслужила Его Высочайшее благоволение.

---

[1] *Мильчина В.* «Человек острого ума сказал...»: Жозеф де Местр как мастер светской беседы. С. 127–144.

— Знаете, друг мой, хотя я и завален делами и у меня не имеется пиитического дара, но по любви к Вам я готов это сделать. Правда, так как я не говорю на Вашем языке, мне нужен будет дословный перевод.

— Я готов начертать его сию же минуту, граф!

— Вы знаете (*думая о своем*), для точности передачи гения вашего языка мне полезнее было бы иметь латинский подстрочник (могу Вам рекомендовать одного маститого латиниста из Полоцкой академии, сейчас находящегося в Петербурге), ибо наши языки — сестры, разбросанные по миру, а великолепный славянский (как справедливо заметил президент вашей Академии адмирал Шишкоф — этот благочестивый муж, известный своими глубокими лингвистическими познаниями и любовью к отечеству, хотя, говоря между нами, его политическим писаниям и не достает некоторой, я бы сказал, *философии* стиля) является корнем разговорного языка или, как говорю я, служит ему основанием так же, как наш латинский французскому. Встреча этих сестер на листе бумаги не является ли чудным знаком их благодатного сближения и грядущего возвращения в материнское лоно священного языка? (*Про себя*: Если уж на то пошло, то русскому стихотворцу вообще полезно было бы сперва очистить свой варварский слог с помощью благородного языка нашей церкви). Когда-нибудь я напишу об этом в своей книге.

— Я всегда говорил то же, граф! Прекрасная и глубокая мысль! Немедленно же сделаю дословный латинский перевод! (*Про себя*: Попрошу секретаря, не даром же он учился в семинарии).

— Только одно условие, граф: мое имя должно остаться в тайне; вы понимаете, что как дипломат я не имею права, etc.

— О! Разумеется!

(*Уходит. В карете обращается к кучеру на разговорном русском*)

— Вот, Ванюшка, меня уже сам сардинский посланник переводит! Только ты смотри, шельмец, никому!

— Могила, Ваше сиятельство!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. А. С. Шишков по воспоминаниям К. С. Сербиновича // Русская старина. 1896. Т. 87. С. 573–577.
2. *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

3. *Берлин И.* Жозеф де Местр и истоки фашизма // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 76–108.
4. Библиографические известия. 1914. Т. 1.
5. *Боровский Я. М.* О переводах стихотворений Пушкина на латинский язык // Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972. С. 68–76.
6. *Буало-Депрео Н.* Наука стихотворства. Издание второе, с приложением Горациева к Пизонам послания в подлиннике и с российским прозаическим оного переводом. СПб., 1813.
7. *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. 1 (XIII в. — 1825).
8. *Васильев А. А.* Испанский полк «Жозеф Наполеон» в русской кампании 1812 г. // Цейхгауз. 1997. № 6. С. 20–23.
9. *Виницкий И.* Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
10. *Виницкий И.* Дом толкователя: Поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
11. *Волховская А. Н.* Граф Хвостов и «гишпанцы». См.: https://www.youtube.com/watch?v=JpoaSANufT8 (дата обращения 30.09.2017).
12. *Гаспаров Б. М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. Wien, 1992 (Wiener slavistischer Almanach. Sbd 27).
13. *Державин Г. Р.* Соч. / С объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1866. Т. 3.
14. *Додолев М. А., Болховитинов Н. Н.* Россия и Испания, 1808–1823 гг.: война и революция в Испании и русско-испанские отношения. М., 1984. С. 64–65.
15. *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
16. Из архива Хвостова / Публ. А. В. Западова // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 359–407.
17. *Лебедев П. С.* Преобразователи русской армии в царствование императора Павла Петровича 1796–1801 // Русская Старина. 1877. Т. 18. С. 577–608.
18. *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или судьбина российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва) // Успенский Б. А. Избр. труды. М., 1992. Т. II. С. 331–467.
19. *Местр Ж. де.* Санкт-Петербургские вечера / Пер. с фр. и прим. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998.

20. *Миловидов Б. П.* Испанские военнопленные Великой армии в России: долгий путь на Родину (август 1813 — сентябрь 1815 г.) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2017. С. 197–213.
21. *Миловидов Б. П.* Испанские военнопленные Великой армии в России: на пути в Царское Село // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов: Материалы Международной научной конференции 3–6 сентября 2014 г. / Сост. А. В. Горбунов. Бородино, 2015. С. 58–73.
22. *Мильчина В.* «Человек острого ума сказал...»: Жозеф де Местр как мастер светской беседы // Актуальность Жозефа де Местра: Материалы российско-французской конференции. М., 2012. С. 127–144.
23. *Морозов П. О.* Граф Дмитрий Иванович Хвостов: Очерк из истории русской литературы первой четверти XIX века // Русская старина. 1892. Т. 74. С. 569–589; Т. 75. С. 71–104.
24. *Муравьева О. С.* Пушкин и Наполеон: (Пушкинский вариант «наполеоновской легенды») // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. Т. 14. С. 5–32.
25. Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752–1818). М.: Трутень, 2002.
26. *Парсамов В.* Жозеф де Местр и А. С. Шишков // Актуальность Жозефа де Местра: Материалы российско-французской конференции. М., 2012. С. 145–158.
27. Переписка Евгения с гр. Д. И. Хвостовым / Чтение Я. К. Грота // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1868. Т. 5. Вып. 1. С. 138–139.
28. *Проскурин О.* Новый Арзамас — Новый Иерусалим (религия общества «Арзамас») // Новое литературное обозрение. 1996. № 9. С. 73–129.
29. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч. 2.
30. *Степанов М.* Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. М., 1937. Т. 29–30. С. 577–625.
31. *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. СПб., 1885. Вып. 7 (Сб. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 37).
32. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1940. Т. 11.
33. *Хвостов Д. И.* Лирические творения: В 2 ч. СПб., 1817.
34. *Хвостов Д. И.* На вторичное вступление Союзных армий в Париж // Сын Отечества. 1815. № 24. С. 91–94.

35. *Хвостов Д. И.* На вторичное вступление сынов Европы в Париж, после победы при местечке Прекрасный союз называемом. СПб.: В типографии Иос. Иоаннесова, 1815.
36. *Хвостов Д. И.* Ода на истребление Французской армии в России 1812 года при случае отправления из Кронштадта Императорского Александровского полка. СПб.: В Морской типографии, 1813.
37. *Хвостов Д. И.* Ода на победу Императором Александром I Наполеона при Люцене Апреля 20-го 1813 года // Сын Отечества. 1813. № 5. С. 341–343.
38. *Хвостов Д. И.* Ода на победы, одержанные Российским воинством под предводительством генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова, и освобождение Москвы. СПб.: В Морской типографии, 1812.
39. *Хвостов Д. И.* Полн. собр. стихотворений. СПб.: В типографии Императорской Российской академии, 1821–1834. Т. 1–7.
40. *Хвостов Д. И.* Путевые записки. М.: В Университетской типографии, 1824.
41. *Шишков А. С.* Некоторые выписки из сочинений графа Меистера с примечаниями на оные // Известия Российской академии. СПб., 1823. Кн. XI. С. 46–76.
42. *Шишков А. С.* Некоторые выписки из сочинений графа Меистера с примечаниями на оные // Собр. соч. и переводов. СПб., 1827. Ч. XI. С. 264–290.
43. *Crétineau-Joly J.* Histoire religieuse, politique et littéraire de la Compagnie de Jésus. Paris, 1846. V. 6.
44. *Derzavin G. R.* De Deo carmen Rossiacum illustris Derzavini vulgatum An. 1814 latinis elegis explicari tentatum a Stanislao Czerski. Vilnae, 1815.
45. *Eco U.* Serendipities: Language & Lunacy / Translated by W. Weaver. London, 1998.
46. L'apologue: Poème / Traduit du russe par G. J. Deslondes. Paris; St.-Pétersbourg, 1809.
47. *Maistre J. de.* Correspondance diplomatique: 1811–1817: En 2 t. / Recuellie et publiée par A. Blanc. Paris, 1860.